

Шавлов Николай Михайлович

Соловьиная осень
Драма в двух действиях

Действующие лица

Александр Иванович Соловьёв, 60 лет, старый больной человек.

Галина Васильевна Смирнитская, 58 лет, медсестра.

Александр Смирнитский, её сын, 37 лет.

Виктор, её муж

Нина, дочь Виктора

Юля, невестка

Николай, зять

Дети

Михаил Иванович, 70 лет, житель дома-интерната для престарелых.

Мария, медсестра.

Директор дома-интерната.

Врач “Скорой помощи”.

Фельдшер.

Пожилые люди - жители дома-интерната.

Сцена 1

Комната в доме-интернате для престарелых. На кровати сидит Михаил Иванович, роется в своих вещах. По радио звучит песня в исполнении Вики Цыгановой “А жизнь обманет нас, обманет и не спросит”. Раздаётся стук в дверь. Входят директор дома-интерната и Александр Иванович. Александр Иванович часто кашляет.

Директор. Добрый день, Михаил Иванович. Вот привёл Вам соседа. Знакомьтесь - Александр Иванович Соловьёв. Придётся потесниться, пока ремонт не закончится. Поселить человека негде.

Михаил Иванович. В тесноте не в обиде, куда ж тут денешься. Главное не забудьте расселить, когда ремонт закончится. А вообще, он когда-нибудь закончится, этот ремонт?

Директор. Ну, если деньги выделят, к весне, может быть удастся заселить второй корпус. Так что потерпите.

Михаил Иванович. Придётся терпеть. Деваться некуда. *(Александр Ивановичу)* А ты не храпишь ночью?

Александр Иванович. Нет, вроде никто не жаловался.

Михаил Иванович. Ну смотри, будешь храпеть – выгоню, живи где хочешь. А так помиримся.

Директор. Ну и ладно, помиритесь. В тесноте не в обиде. Сейчас кровать принесут, устраивайтесь.

(Директор уходит. Приносят кровать, тумбочку. Александр Иванович устраивается).

Сцена 2

Михаил Иванович. Ну, расскажи, каким ветром занесло сюда? Сколько ж тебе лет?

Александр Иванович. Шестьдесят.

Михаил Иванович. Шестьдесят? А выглядишь на все восемьдесят. Видно жизнь хорошо потрепала?

Александр Иванович. Да, досталось.

Михаил Иванович. Оно и понятно, от хорошей жизни человек сюда не придёт. Богадельня она и есть богадельня. Приют для обездоленных. Хорошо хоть такой. А что ещё надо в нашем возрасте? Кефир, клистир и тёплый сортир. Что, не так?

Александр Иванович. Наверное, так.

Михаил Иванович. Правда сортир тут не тёплый, да и в комнате зимой бывает градусов пятнадцать. Всё равно лучше, чем бомжам: накормят вовремя, лекарства дадут, когда надо. Одним словом, можно доживать век. Вот и доживаем. А ты что, пенсию получил и сразу сюда?

Александр Иванович. Нет, не сразу. И пенсию ещё не успел получить.

Михаил Иванович. Как так?

Александр Иванович. А вот так, бомжем оказался на старости. Так получилось. Ну, это долгая история.

Михаил Иванович. А нам спешить некуда, рассказывай. До обеда ещё далеко. Погода сегодня никудышняя. Дождь с утра зарядил, похоже на весь день.

Александр Иванович. Ну, тогда слушай, если интересно. Я недавно из тюрьмы вышел. Три года отсидел. Освободили по амнистии.

Михаил Иванович. Вот как. Значит бывший зэк.

Александр Иванович. Выходит, что так.

Михаил Иванович. А за что же, если не секрет, сидел?

Александр Иванович. Нет тут никакого секрета. По морде одному дал.

Михаил Иванович. Ну, за это срок особенно не дают.

Александр Иванович. Дело в том, что морда та оказалась высокопоставленной.

Михаил Иванович. А ты не знал, чья это морда, когда влип?

Александр Иванович. Тогда не знал. Да если бы и знал, всё равно, таких по другому не научишь. Вот отсидел три года, выпустили. Домой приехал, а дома то нет. Жена, пока я сидел, квартиру разменяла, развод оформила. Молодого привела. Вот и остался я один, ни кола ни двора, одним словом импотент без квартиры.

Михаил Иванович. А дети что?

Александр Иванович. Детей у меня своих нет, у жены дочка. Вот из-за неё и остался без квартиры на старости лет. А может и не из-за неё. Просто так всё получилось. Вышел из тюрьмы, друзьям позвонил одному, другому. Да кому я такой нужен. Когда деньги были, друзей было много. А как беда пришла, да не одна, так и живи сам со своими проблемами. Ну, хорошо ещё нашлась одна добрая душа, в больницу помогли устроиться, а из больницы идти всё равно некуда. На кладбище ещё рано, видно срок не пришёл. Надо испить свою чашу до дна. Пока в больнице лежал, помогли вот с местом в этом доме. Я ведь, когда на коне был, толком и не знал, что это такое - дом престарелых. Слышал, что такие существуют, но это ж совсем другой мир. Кто мог подумать, что получить место в этом мире можно только по благу. Пришлось и это узнать.

Михаил Иванович. Ты уж извини за назойливость, а в тюрьме всё-таки как оказался?

Александр Иванович. Я и говорю, морду набил одну. Вот и получил пять лет. Ни за что, считай.

Михаил Иванович. Да, попробуй, разберись, кто тут прав, кто виноват. А всё-таки, как тебя упекли?

Александр Иванович. Ну, слушай. Вообще жизнь моя складывалась удачно. Отец мой был первым секретарём обкома, потом в ЦК работал. Меня после института в аппарат ЦК комсомола устроил, потом высшая партшкола. Одним словом, типичная карьера партийного функционера. Семья, правда, у меня не складывалась. Первый раз женился, уже за тридцать было, вроде и нагулялся вдоволь, решил семейное гнездо свить. Не получилось. Жена красавица, фотомодель. Вот только детей не хотела. Говорила, я ещё молодая, успею. Первый аборт сделала, меня не спросила. Так и не забеременела потом. Да и не хотела она детей. А я о сыне мечтал. Потом узнал, что изменяет она мне. Разошлись мы, одним словом. Десять лет прожили, а семья так и не получилась. Разошлись мы спокойно. А тут перестройка началась, партию ликвидировали. Мне уже за сорок, надо искать место в жизни. Слава Богу, связи были. Фабрику приватизировал, работа пошла. В бизнесе мне как-то больше везло, чем в семейной жизни. Ресторан купил. Женился второй раз. У жены дочка от первого брака. Сначала думали, что будет у нас ребёнок, я очень сына хотел, наследника. И дело было бы кому передать. Не получилось. Возил я её к докторам разным, за границей лечиться пробовали, не помогло. Так своих детей у меня и нет. А у жены, я уже говорил, дочка от первого брака. Девочка с характером. Так с матерью не очень ладили, а когда замуж вышла, совсем неумолимо стало. Так вот, когда я в тюрьму попал, жена квартиру разменяла на две: себе и дочери. Потом сама замуж вышла. А меня вот так и списали, вычеркнули из этой жизни, за ненужностью. Известное дело, пока молодой

был, при деньгах, всем нужен был. А как за решёткой оказался, да ещё болезнь эта проклятая, так никому и не нужен. Живи, Александр Иванович, как знаешь и вспоминай былые дни.

Михаил Иванович. А что за болезнь такая? Не чахотка случайно? Я гляжу, что тебя кашель всё время мучает.

Александр Иванович. Нет, не чахотка. Другое. Хрен редьки не слаще. Правда, по болезни амнистию получил. Так бы ещё два года сидеть пришлось. А тут выпустили на свободу. Может, лучше было бы, если б не выпускали. Но когда ты из седла выбит, сам не решаешь, за тебя другие решают всё.

Михаил Иванович. Так ты говоришь, что бизнес хорошо шёл. А потом что? Как в тюрьме оказался?

Александр Иванович. Вот и говорю, что дела мои шли в гору, ресторан купил. Хороший был ресторан, люди с душой работали, от посетителей отбоя не было. Администратором у меня была молодая женщина, красивая, интеллигентная. Семья у неё хорошая. Так вот однажды вечером, я уже уходить собрался, заходит она ко мне в слезах. Александр Иванович, отпустите, не могу работать. Я не сразу понял, о чём речь идёт, думал уйти надо пораньше домой. А она говорит, я совсем уйду, работать больше не буду у Вас. В чём дело, спрашиваю? Она рассказала, что это уже не первый раз. Поводилась тут одна компания ходить, трое мужиков. Как подопьют, так начинают приставать. Я говорит, терпела, клиенты есть клиенты. А сегодня они совсем распоясались, что ты ломаешься, знаем мы, сколько такие стоят. Не волнуйся, рассчитаемся, не обидим. Не могу я больше работать. Увольняйте. Вышел я в зал. Сидит тройца подвыпивших. Подошёл поговорить, но разговор не вышел. Двое потише были, а один уже без всяких тормозов. Ты кто такой? Пахан? Знаем мы, сколько твои девки стоят. Ну, я ему и врезал по морде. Когда его милиция забирала, он сказал: даром тебе это не пройдёт. Я тогда не знал, что это новый помощник прокурора. Власть. Ну, за ту драку он ничего мне не мог сделать, свидетели были. Он по-другому отомстил. Смотрю, проверки ко мне зачастили, и на фабрику и в ресторан. Налоговая, санстанция. Я сразу и не связал всё это воедино, только позднее узнал, чья это морда была. А если б и знал, то же самое было бы. Ну так вот, проверки ничего не дали, бухгалтерия у меня грамотная, не к чему придраться было. Тогда другим путём пошли: взятку принесли в кабинет и взяли с поличным, ничего доказать не удалось. Надо было видеть лицо этого помощника прокурора на суде. Пять лет дали. Вот так всё рухнуло, в одночасье. Но одна беда видно не ходит. В тюрьме уже выяснилось про болезнь. Вначале всё ничего было, а вот нынешней весной всё хуже и хуже. Амнистировали. Наконец сюда попал.

Михаил Иванович. Не зря говорят в народе: от сумы да от тюрьмы не зарекайся. Да и от болезней никто не застрахован. Кто знает, где споткнёшься в этой жизни. Знал бы, соломки постелил.

Сцена 3

Входит медсестра со шприцем.

Медсестра. Соловьёв, Вам укол. Ложитесь.

Александр Иванович. Ой-ёй, больно.

Медсестра. Ну, когда болезнь подцепил, больно не было. Получил удовольствие, теперь молчи.

(Выходит).

Александр Иванович. Что с ней? Она всегда такая злая?

Михаил Иванович. А, почти всегда. Муж у неё выпивает, да и руки распускает. Один раз на работу с таким фингалом пришла. Импотент, наверно, вот и срывает зло, на ком может. А она на нас злость вымещает, на ком же ещё. Вот такая цепочка зла и идёт. Ей бы мужика доброго, баба в самом соку, ей 40 лет только. Её жизнь не сложилась, а мы крайними оказались.

Александр Иванович. Да, семейная жизнь для женщины много значит.

Михаил Иванович. А когда она не складывается, зачем же зло на других вымещать?

Будь моя воля, я б таких, как Мария, не допускал бы к работе с людьми. Зачем зло приумножать?

Александр Иванович. Теоретически так рассуждать можно, а вот на деле... А куда ей деваться?

Михаил Иванович. Да, это только порассуждать можно... А вот у нас медсестра есть, Галина Васильевна, - это ангел. Сейчас она в отпуске, да и работает только на полставки. Но мы всем домом ждём, когда она на работу выйдет. Она уже на пенсии, да и обеспечена хорошо, работает не за деньги. И знаешь, мы часто между собой обсуждаем, что с нами будет, когда она работу оставит. Наши старики так и говорят: осиротеем. Все ждут её смены. Придёт, поговорит, для каждого у неё доброе слово есть. А таблетку даст - сразу поздоровеешь. Укол сделает – и не почувствуешь. Ангел, одним словом. Ну, если работу оставит – точно осиротеем. Другой такой не будет. Это талант от Бога. Были бы все медики такими – и больных было бы меньше. Но где ж таких взять. Так что нам, считай, повезло. Скоро должна выйти из отпуска, познакомишься. Вот если только вернётся на работу из отпуска...

Александр Иванович. А Вы давно уже здесь?

Михаил Иванович. Седьмой год пошёл. Ветеран, считай. Два директора при мне сменились, этот третий. Вроде не ворует, вот ремонт начал. Ничего, жить можно. Поел вовремя, телевизор посмотрел, поспал, глядишь, и день прошёл. Так и живём. Главные события, когда новенький появляется или когда умирает кто. Вот тогда на несколько дней разговоров, новая тема появляется. А так живём, накормлены, что ещё надо? Это ты молодой, шестьдесят только. А выглядишь на все 80... Ничего, поживёшь, глядишь, сил наберёшься.

Александр Иванович. *(С горькой усмешкой)* Поживём, увидим. А место тут красивое. Лес, озеро.

Михаил Иванович. Знаешь, тут недалеко, в лесу, руины замка стоят. Я моложе был, любил ходить туда. Отсюда километра два будет. Красивый замок был, судя по тому, что от него осталось. Я часто думал, какая там жизнь шла, балы шумели, музыка, танцы. Парк красивый. Одним словом, жили люди, жизнь кипела. И совсем недавно, лет, этак, сто, сто двадцать тому назад. Но их жизнь прошла, где их потомки сейчас, если они живы. А от той жизни одни руины остались. Ты сходи, обязательно сходи посмотреть.

Александр Иванович. Схожу, конечно, интересно. Может ещё сегодня, если распогодится.

Михаил Иванович. А вот и обед подоспел. Пошли в столовую.
Выходят.

Сцена 4

Руины замка. Остатки стен без крыши и окон. Но и в таком виде угадывается былая мощь и красота. По небу бегут серые облака. Входит Александр Иванович, застывает от неожиданности. Обходит руины. Выглядывает солнце. Слышна соловьиная трель. Александр Иванович пытается увидеть птицу. Облака закрывают солнце. Песня обрывается. Начинает моросить дождь. Александр Иванович уходит, втянув голову в плечи.

Сцена 5

Комната в доме-интернате. Входит Александр Иванович, стряхивает капли дождя. Михаил Иванович потягивается на кровати.

Михаил Иванович. Ну, ты загулял где-то. И погода тебе нипочём.

Александр Иванович. После обеда солнце выглянуло, вот я и пошёл замок посмотреть, что-то меня потянуло.

Михаил Иванович. Ну, и как, понравилось?

Александр Иванович. Не то слово... Не ожидал такое увидеть. Глядишь на эти руины и о многом задумаешься. Такая красота и такая мощь. Настоящее родовое гнездо. Мне вот в голову

мысли приходили: а что после нас останется? И вообще, что наша жизнь? И что после нас? Руины, которые никому не нужны, и время их сотрёт из памяти. А ведь пока живём, строим, надеемся, что всё это надо. Сначала нам надо, потом детям. Видно те, кто замок строил, тоже так думали, на века загадывали. Иначе б такую красоту не построили.

Михаил Иванович. А ты философ, смотрю. Правда твоя. Пока молодой, жизнь начинаешь строить, шибко не задумываешься, строишь, что получается. А время, оно такое быстрое. Не успел оглянуться, а уже с ярмарки едешь. И ответ перед собой держать надо, а что ж ты построил, и что после тебя останется? И кому останется?

Александр Иванович. Обидно только, когда люди строили, строили, красоту творили... А потом, как ураган пронёсся, и красота эта никому не надо... Жалко. А ещё, я, когда стоял возле этих руин, вдруг услышал, птица поёт. Сначала показалось, что соловей, настоящие трели. Не сразу сообразил, что этого не может быть. Откуда соловей осенью. А тут ещё туча набежала, дождь стал накрапывать. И такая горькая волна окатила душу. С тем и вернулся.

Михаил Иванович. Не переживай. Это поначалу тут неуютно, а потом привыкнешь потихоньку и к этой жизни. Деваться всё равно некуда. Приходится жить, как получается...

Александр Иванович. Да, теперь уже как получается.

Сцена 6

В комнате никого нет. Врывается разъярённый Михаил Иванович, начинает собирать и в ярости выбрасывать вещи Александра Ивановича.

Михаил Иванович. Ишь ты, у него не чахотка... Страдалец, жертва несправедливости. А я уши развесил, пожалел человека, как же. И директор, тоже цаца добрая: поживёт с Вами, пока ремонт закончим. Я вам покажу ремонт, я вам всем покажу... Я жаловаться буду. Президенту напишу. Что ж это делается. Мне на старости лет кого подселили. Умереть спокойно не дадут. Я им всем покажу. Про соловья он мне рассказывает. Я тебе покажу и соловья и кузькину мать. Ты у меня запоёшь...

(Входит Александр Иванович, останавливается в недоумении).

Александр Иванович. Что случилось?

Михаил Иванович. Случилось? Он ещё спрашивает, что случилось? Я тебе покажу, что случилось. *(Замахивается палкой).* Я всем покажу. Видели вы такого героя. У него не чахотка, у него только СПИД. Спасибо, Мария, добрая душа, сказала. Так бы жил, ничего не зная... Я вам всем покажу.

(Александр Иванович молча собирает вещи).

Александр Иванович. Вот так... В тюрьме всё проще было. Там и таким как я есть место, а вот на свободе... Какая ж это свобода, если приютиться негде?

Выходит.

Занавес.

Второе действие

Сцена 7

Семейный праздник

Зал в доме Галины Васильевны. Невестка, дочь и зять готовят праздничный стол. Им помогают дети. Юля выносит пирог, ставит на стол.

Нина. Красивый получился. Этот с чем?

Юля. С брусничкой. Сейчас ещё два подспеют. Хоть бы удались.

Нина. Ты же всё по маминому рецепту делала?

Юля. А как же ещё? Только б вот первый блин не получился комом.

Нина. Не волнуйся. Выглядит замечательно, значит вкусный будет.

Входит Галина Васильевна.

Галина Васильевна. Какой красивый стол! А аромат... Пироги! У нас что, гости будут?

Нина. Нет, только своя семья. Сегодня семейный праздник.

Галина Васильевна. Я тоже так думала, что посидим всей семьёй за ужином, тихо, скромно. Я вот к чаю принесла.

Нина. Мы так и сделаем. А пироги к чаю в самый раз. Аромат пирогов в доме – для меня всегда праздник. Это с детства. А сегодня пироги пекла Юля, потому она так волнуется.

Галина Васильевна. Здорово! Просто великолепно. Такой сюрприз. Аромат какой, так и хочется попробовать. Так, что мне делать?

Нина. Ничего не надо делать, всё готово. Нет, надо переодеться. Мама, наденьте платье, в котором Вы были в день серебряной свадьбы. Оно Вам так идёт. 30 лет семейной жизни - это настоящий праздник. Всё должно быть праздничным.

Галина Васильевна. Ну, как скажете. *(Выходит переодеться).*

Дети выносят стенгазету, где крупно написано 30 лет и помещены семейные фотографии. Юля приносит ещё пироги.

Дети. Ну, как?

Нина, Юля. Молодцы.

Входит Галина Васильевна в вечернем платье.

Галина Васильевна. А это ещё что за сюрприз? *(рассматривает газету).*

Юля. Это дети придумали, а Николай помогал им сделать.

Галина Васильевна. *(Целует внуков)* Ну, спасибо, большое спасибо. Такой сюрприз!

Входят Виктор и Александр. В руках у мужа букет из 30 роз. Целует жену.

Виктор. С праздником! 30 лет назад я не имел возможности подарить такой букет. Слава Богу, сейчас могу. Спасибо тебе за всё.

Галина Васильевна. За что спасибо? Ты только посмотри, что дети сделали. Чудо. *(Обнимает и целует внуков).* И вообще сегодня одни сюрпризы. Настоящий праздник.

Нина. Мама, это Вы подарили нам такой праздник.

Александр. Давайте за стол, слюнки текут. *(Все садятся за стол, Юля раскладывает пирог, Нина разливает чай).*

Галина Васильевна. Замечательные пироги. И один и второй. А этот с чем?

Юля. С яблоками.

Галина Васильевна. Чудесно. Просто не знаю, что и сказать, один лучше другого. Молодец.

Юля. Ваша школа, мама. Перенимаем традиции.

Виктор. Всё замечательно. Только музыки не хватает.

Николай. Сейчас будет. *(Включает магнитофон. Звучит песня “Серебряные свадьбы”).* Виктор приглашает жену на танец. Вся семья любит на эту красивую пару).

Сцена 8

Двор в доме престарелых. На скамейке сидит Александр Иванович, читает газету. Из подъехавшей машины выходят Галина Васильевна и её сын. Александр провожает мать до крыльца, продолжает разговор. Проходят жильцы дома, приветливо здороваются с Галиной Васильевной.

Г а л и н а В а с и л ь е в н а. Это тебе кажется, что так просто, взяла и бросила работу.

Александр. Не понимаю, что тебя держит. Твоя зарплата – смешно говорить. Моральное удовлетворение? Извини, я, видно, что-то не понимаю...

Галина Васильевна. Как тебе объяснить? Я не один раз думала, доработаю до отпуска и хватит. А в отпуске вспомню про работу и понимаю, что не могу пока бросить, не могу, пока силы есть. Ну, кто я для них, дежурная медсестра. А видишь, как встречают? Да за столько лет они уже все, как родные, стали. Вас же я не брошу, это понятно. Вот и к ним привязалась за столько лет. Так что ещё поработаю, пока силы есть.

Александр. Тебе виднее. *(Пристально всматривается в Александра Ивановича).* Кто этот человек?

Галина Васильевна. Не знаю. Наверно новенький поступил. Когда в отпуск уходила, его не было.

(Александр внимательно всматривается. Александр Иванович продолжает читать газету).

Александр. Ну, ладно, мама, я заеду за тобой после работы. *(Выходит, оглядывается на ходу).*

Сцена 9

Чулан без окон, приспособленный под жильё. Александр Иванович сидит на кровати. Входит Галина Васильевна со шприцем.

Галина Васильевна. Добрый день. Вам укол, готовьтесь.

Александр Иванович. Я всегда готов. Дело привычное.

(Галина Васильевна делает укол).

Александр Иванович. Уже? Я ничего и не почувствовал. Рука у Вас лёгкая.

(Галина Васильевна обводит взглядом чулан).

Галина Васильевна. И как это Вас сюда поселили? Неужели места не нашлось другого?

Александр Иванович. Нашлось. Меня сразу подселили в 42-ю. Так сосед, как только узнал про мою болезнь, вещи вышвырнул и меня, буквально, в шею вытолкал. Грозил президенту пожаловаться, управу найти на всех. Отсюда уже некому вытолкать, как-то доживу, сколько Бог даст. А что окон нет, я уже привык, не замечаю. Наверное, таким, как я, другого места и не положено в этой жизни.

Галина Васильевна. Зачем же Вы так?

Александр Иванович. Вы ж про мою болезнь знаете?

Галина Васильевна. Знаю.

Александр Иванович. А Вы не боитесь таких больных? Заразиться не боитесь?

Галина Васильевна. Нет, не боюсь. Вы у нас первый, но я так понимаю, что не последний с таким диагнозом. Эпидемия идёт, и не думая об этом, мы встречаемся и с больными, и с инфицированными. Надо просто знать, как себя вести, как уберечься. А бояться? Когда знаешь, чего тут бояться?

Александр Иванович. Да, оно так. Страх, он всегда от незнания бывает. А когда знаешь, что тебя ждёт, так и страха нет. Просто привыкнуть надо, а в моём положении ещё и смириться. Так на душе спокойнее будет.

Галина Васильевна. Что я могу сказать? Есть болезнь, и есть отношение к болезни. Как болезни, так и отношения к ним разные бывают. А вообще врачи давно заметили, что оптимисты, даже с тяжёлыми неизлечимыми болезнями, живут дольше, чем пессимисты.

Александр Иванович. Ну, я себя к оптимистам не отношу. В моём возрасте и в моём положении... Да что там говорить. Жизнь прошла. Всё в ней было. Только вот финал такой никак не мог предположить. Другой раз лежу в своём чулане и думаю, что ж я такое натворил в этой жизни. Наверное, самый страшный суд, это суд своей совести, когда один на один с собой. Но вот у меня приговор вынесен, а вины своей я так и не осознал. Другой раз только задумаюсь, какой он будет, мой последний день? Кто глаза закроет? А может, умру ночью, один, и до утра так и буду смотреть в потолок.

Галина Васильевна. Об этом не надо думать. Никто не знает, когда он придёт - наш последний час, и каким он будет. Да и зачем это знать?

Александр Иванович. Спасибо Вам. Вот поговорили со мной и на душе как-то спокойнее. Будь Вы мужчиной, из Вас бы хороший священник получился. Но Вы и так на своём месте. Я много о Вас доброго слышал, пока Вы в отпуске были. О Вас так и говорят: наш Ангел. Теперь я и сам убедился, что это так. Спасибо Вам.

Галина Васильевна. Не за что благодарить, работа у меня такая. Отдыхайте. После укола лучше всего полежать с полчаса.

Выходит.

Сцена 10

Александр Иванович спит. Ему снятся соловьиные трели. Входит Галина Васильевна.

Галина Васильевна. Александр Иванович, проснитесь. Вам укол. Просыпайтесь.

Александр Иванович. А я вот после прогулки устал, прилёг и не заметил когда уснул.

Галина Васильевна. Далеко ходили?

Александр Иванович. У меня один маршрут, хожу посмотреть на руины замка. Не могу понять, что меня так тянет туда. Руины они и есть руины. А вот первый раз, когда увидел, так что-то в душе всколыхнулось, сам не могу понять что. Вот и хожу с тех пор, пока силы есть. Но с каждым разом всё труднее становится. Вы же знаете эти руины?

Галина Васильевна. Да, конечно. Я, когда моложе была, тоже часто ходила. А потом с каждым годом всё реже, реже. В этом году так ни разу и не была, надо как-нибудь выбраться.

Александр Иванович. Не могу понять что, но что-то в них притягивает, что-то есть в этих руинах...

(Галина Васильевна собирается уходить).

Александр Иванович. Вы извините, я вот фамилию Вашу только вчера узнал. Извините за нескромность, это ваша фамилия или мужа?

Галина Васильевна. *(Настороженно)* Моя.

(Пауза).

Александр Иванович. Простите, а где Вы были в... 1965 году?

Галина Васильевна. Училась.

Александр Иванович. Где учились?

Галина Васильевна. В институте.

Александр Иванович. В каком институте?

Галина Васильевна. В медицинском.

Александр Иванович. Простите, а мы с Вами не встречались раньше?

Галина Васильевна. Встречались.

Александр Иванович. Галя?

Галина Васильевна. Да, Саша, это я.

Александр Иванович. Ничего не понимаю, почему ты здесь, медсестрой? Ты же на каком курсе была?

Галина Васильевна. На шестой перешла.

Александр Иванович. Ну и...

Галина Васильевна. Это долгая история. Да и не стоит об этом вспоминать.

Александр Иванович. Так ты не закончила институт?

Галина Васильевна. Нет, не закончила. Сейчас это уже не имеет никакого значения.

Александр Иванович. Прости, я тебя совсем не узнал.

Галина Васильевна. Да, годы своё дело сделали. Трудно узнать человека почти сорок лет спустя. Извини, но я тебя тоже не узнала, когда увидела первый раз. Даже когда документы прочитала, сомневалась, ты это или не ты. Потом всё-таки убедилась, что это ты. Очень уж

неожиданной была эта встреча. И кто бы мог подумать, что так всё обернётся. А после первой встречи я даже вздохнула с облегчением: не узнал, и слава Богу. Надеюсь, что и не узнаешь.

Александр Иванович. Так ты сразу знала, кто я.. И даже виду не подавала.

Галина Васильевна. А зачем. Всё что было, былём поросло. Зачем старое ворошить?

Александр Иванович. Старое? Какое ж оно старое? Это ж наша жизнь. И та соловьиная весна, она тоже наша.

Галина Васильевна. Да, та соловьиная весна. Она-то виновата во всём.

Александр Иванович. В чём виновата?

Галина Васильевна. Ни в чём. Так, к слову пришлось.

Александр Иванович. Прости, но я с годами вспоминал её всё реже и реже. Только вот на руинах мне показалось, что соловья услышал, и как будто вся жизнь пронеслась перед глазами. Это ж сколько воды утекло после той соловьиной весны. Жизнь как-то закрутила, понесла, и вот вынесла... на обочину.

Галина Васильевна. Что ж, у каждого своя жизнь. И крутит она каждого по-своему.

Александр Иванович. А всё-таки, почему ты институт не закончила?

Галина Васильевна. Ты так хочешь знать?

Александр Иванович. Хочу.

Галина Васильевна. Ну, что ж. Я же сказала, что во всём виновата соловьиная весна. Помнишь, как пели соловьи в ту ночь? Я всю жизнь помню... А ты?

Александр Иванович (*неуверенно*). Помню. Только в чём же она виновата?

Галина Васильевна. Во всём. Я тогда, после сессии, уехала на практику, к себе в район. И когда поняла, что беременна, сразу позвонила тебе. Помнишь, что ты ответил?

Александр Иванович. Нет, не помню.

Галина Васильевна. Зато я помню. Твоя фраза у меня и сейчас в памяти. Ты так спокойно сказал: и что, ты не знаешь, что надо делать? Сходи к гинекологу, если деньги понадобятся, я вышлю. Продолжать разговор я не могла. А в сентябре, когда вернулась в институт, ещё надеялась на встречу с тобой, надеялась, что это было просто недоразумение. Но ты уже переехал с родителями в Минск и ни разу не попытался найти меня. Уехал и всё. Мне рассказали, что тебя видели с Ирккой, потом с Наташкой. Я поняла, что для тебя я была одной из многих. Вначале злилась, а потом как-то и злость прошла, на неё просто времени не было.

Александр Иванович. Что значит не было? А с учёбой что?

Галина Васильевна. С учёбой? Какая ж учёба могла быть? Я, комсомолка, как только представила, что меня будут разбирать на комсомольском бюро за аморальное поведение... Тебе этого не понять. Одним словом, я взяла академичку. Надеюсь, что доучусь потом, получу диплом. Не получила. Уехала к тётке на Украину. Там родила сына.

Александр Иванович. Ты... ты хочешь сказать, что у меня... у нас есть сын?

Галина Васильевна. Да, Саша, у меня родился сын, твой сын. В марте ему будет тридцать восемь лет.

Александр Иванович. И... и он похож на меня?

Галина Васильевна. Когда ему было столько, сколько тебе тогда, это была твоя копия. (*Александр Иванович сидит, обхватив голову руками. Молча рыдает*).

Галина Васильевна. Ну, вот. Ни к чему была эта встреча. Лучше бы я не выходила из отпуска...

Александр Иванович. Расскажи, расскажи, как он рос? Как ты?

Галина Васильевна. А надо всё это рассказывать?

Александр Иванович. Прости, но мне всё это важно.

Галина Васильевна. Тогда слушай. Родила я у тётки. Домой ехать не могу. Сам понимаешь, городок маленький, все на виду. А тут у дочки первого секретаря райкома внебрачный ребёнок. Отцу бы это стоило карьеры. Он и так от инфаркта умер, Сашке второй год пошёл... Я и сейчас считаю, что виновата в его смерти... А мне надо было жизнь устраивать. Вышла на работу, я уже имела право работать фельдшером. Про учёбу пришлось забыть. Потом, когда

жизнь устроилась, я поехала в институт, но было слишком поздно, меня не восстановили. Теперь ты понимаешь, почему я не стала врачом.

Александр Иванович. Понимаю. А здесь как ты оказалась?

Галина Васильевна. Сашка подрастал, я работала. Так мы и жили. Сашке уже шестой год пошёл, когда меня познакомили с моим нынешним мужем. Он рано овдовел, дочка на руках осталась, у них с сыном полгода разница. Познакомили нас. Вижу, человек порядочный, работяга. Ребёнка никому не отдал, сам справлялся. Подумала я, подумала и решилась. Любви не было... Было уважение. Взаимопонимание было. Только потом, с годами, как-то всё по-другому стало. Вначале казалось, что всё, жизнь кончилась. Одна радость была в жизни – сын. А всё остальное будто и не существовало. Жизнь шла сама по себе, я что-то должна была делать. Всё это делалось ради одной цели: я должна вырастить сына. Помогать было некому, я должна была жить за двоих.

Александр Иванович. А обо мне ты так и не вспоминала?

Галина Васильевна. Вспоминала. Вначале со злостью, потом злость прошла. Жизнь как-то налаживалась. Я тебя несколько раз по телевизору видела... Гордилась в душе, что у моего сына такой отец. Только кому я могла сказать об этом? Знаешь, что мне потом вспоминалось?

?

Галина Васильевна. Та соловьиная ночь. И это грело душу. Я и сейчас ни о чём не жалею. А когда вспоминаю, благодарю Бога, что у нас была эта ночь.

Александр Иванович. Теперь я понимаю, почему тебя зовут Ангелом.

Галина Васильевна. Что слова? Любого человека, любое событие можно называть по-разному, и по-разному оценивать. Главное, с какими мерками сам к себе подходишь, какой мерой меряешь свои слова и свои дела. Всё это начинаешь понимать только с годами.

Александр Иванович. Если бы молодость знала, если бы старость могла... Видно мир так устроен, люди наступали и опять будут наступать на одни и те же грабли. *(Пауза)*. Расскажи, что дальше было? Как твоя жизнь сейчас складывается?

Галина Васильевна. Знаешь, мне сейчас хорошо. Так, как сейчас всё складывается, я бы другой жизни и не хотела.

Александр Иванович. А чем твой муж занимается?

Галина Васильевна. Он инженером был, на заводе работал. Потом, когда перестройка началась, как-то быстро сориентировался, своё дело открыл. И знаешь, удачно. Сейчас у него большая фирма, вместе с сыном занимаются. Я ничего в их деле не понимаю, для меня главное, что у моих мужчин работа получается. И между собой у них полное взаимопонимание. Дом построили за городом, большой дом. Когда стройку начинали, я говорила, зачем такой огромный. А сейчас вижу, как хорошо получилось, дом на три семьи и всем места хватает. Прямо, родовое гнездо. Я ж не сказала, у меня трое внуков: у сына двое детей, у дочери один. Скоро пополнение ожидаем. Вот тогда, наверное, и работу брошу.

Александр Иванович. Ты сказала, что у меня двое внуков?

Галина Васильевна. Да, Саша. У сына старшая дочь, Даша, ей уже девять, и Сашка в школу пошёл в этом году. Невестка не работает, так что дети досмотрены.

Александр Иванович. Прости, а фамилия у них чья?

Галина Васильевна. Фамилия? Моя фамилия, Смирнитские они. У сына только имя твоё, а теперь вот и внук Сашка растёт.

Александр Иванович. Смирнитский.

Галина Васильевна. Да, Саша. Муж в душе, я знаю, переживает, что его фамилия как бы обрывается. Дочь на фамилии зятя, дети тоже. Да, ничего не поделаешь. Жизнь продолжается. У каждого своя жизнь. *(Пауза)* Заговорила я с тобой, скоро смена заканчивается, муж приедет, а я ещё с работой не управилась. Извини, я должна идти.

Александр Иванович. Да, да... Иди... Тебе работать надо. Когда в следующий раз будешь?

Галина Васильевна. После выходных, во вторник.

Александр Иванович. Я буду ждать.

Галина Васильевна. До свидания!

Сцена 11

Сцена разделена на две пловины. Уютная комната в доме Галины Васильевны, звучит тихая мелодия воспоминаний. Галина Васильевна листает семейный альбом.

Галина Васильевна. 1988 год. Сашке 22, сразу после института. *(Что-то ищет в книгах, достаёт фотографию Александра Ивановича, сравнивает их).* Вылитый отец...

Гены...*(Читает на обороте)* “Пусть будет, как тогда”. Как тогда...

(Подходит к окну, открывает его, всматривается в сад. За окном золотая осень. Ей слышится соловьиная трель. Прислушивается. Трель повторяется.) Никогда в жизни я больше не слышала такой соловьиный хор. Нельзя войти в одну и ту же реку дважды...

(Медленно гаснет свет и высвечивается вторая половина сцены. Руины замка. Входит Александр Иванович. Медленно, задумчиво обходит руины. Пристально всматривается, прислушивается, в надежде услышать соловьиную трель. Оглядывается по сторонам, ищет невидимую птицу. Напрасно. Начинает моросить дождь. Александр Иванович молча выходит, втянув голову в плечи).

Сцена 12

В комнате никого нет. Входит Галина Васильевна со шприцем.

Галина Васильевна. Где же он запропастился? Хоть бы не случилось ничего. *(Входит Александр Иванович, тяжело дышит, кашляет).* Где ты был? Я уже испугалась, не случилось ли что. Куда ты ходил?

Александр Иванович. А у меня один маршрут – руины замка. Сам не могу понять, что туда так тянет. Боюсь, что сегодня был последний поход. Силы уже покидают. *(Кашляет).*

Галина Васильевна. Ложись, укол сделаю. *(Делает укол).* Полежи, отдохни.

Александр Иванович. Скоро отдохну... Наверное, уже скоро. Ты не спешишь? Есть немного времени поговорить?

Галина Васильевна. Успею, сделаю ещё.

Александр Иванович. Знаешь, я в тот раз не решился тебя попросить, а сейчас вот набрался смелости... Ты познакомишь меня с сыном?

Галина Васильевна. Я ждала этот вопрос. Готовилась к нему, как только узнала, кто ты. Извини, но я сразу приняла это решение. Нет.

Александр Иванович. Прости, я не должен был просить. На это я не имею права.

Галина Васильевна. Пойми меня, что я скажу сыну? Кто этот человек? Из какого небытия он появился? Пока сын был маленький, я со страхом думала, что ему отвечу, когда он спросит, где мой папа. Приготовила легенду, что ты погиб в экспедиции ещё до его рождения. Слава Богу, не пришлось врать. Так сложилось, что у них с мужем сразу наладились отношения, и сын мне так и не задал вопрос, которого я очень боялась. Прости, но наша жизнь сложилась так, что..., что для тебя в ней нет места.

Александр Иванович. Это ты меня прости, если можешь.

Галина Васильевна. А сына ты уже видел один раз.

Александр Иванович. Где? Когда?

Галина Васильевна. Ты, конечно, не запомнил, точнее не заметил. Это был первый день, когда я вышла из отпуска. Ты сидел на скамейке, читал газету. Сын у меня спрашивает, кто этот человек? Я говорю, кто-то новенький. Саша так пристально всматривался, и потом, когда отъезжал, машет мне рукой, а сам всё смотрит на тебя. А у меня в груди что-то так сжалось, я не могла понять, почему. Когда прочитала твои документы, поняла всё. С тех пор я под любым предлогом отказываюсь, когда сын предлагает подвезти на работу или заехать за мной. Я боюсь второй встречи, боюсь, что не выдержу.

Александр Иванович. Я понимаю. Прости за всё.

Галина Васильевна. В старину бы сказали, Бог простит. А я, я давно всё простила. Молодые были. Назвать это глупостью я и сейчас не решусь. Просто жизнь так сложилась: у тебя своя, у меня своя.

Александр Иванович. А знаешь, почему я ходил на руины?
?

Александр Иванович. Первый раз, когда там был, я услышал птицу. Мне показалось, что это соловей. Представляешь, стою, закрыв глаза, почему-то вижу бал в этом замке, и вдруг слышу соловья... Такое состояние было, словами трудно передать, что-то на душу накатило... Потом я ходил несколько раз, но ничего подобного не услышал. Может, мне всё это пригрезилось. Да и какой соловей осенью. Соловьи поют весной и в начале лета. А соловьиной осени не бывает. Осень, она может быть золотой, как у тебя, или вот как у меня. Всё зависит, какие краски человек заготовил за свою жизнь.

Галина Васильевна. Ну зачем же так. Разве ты во всём виноват? Жизнь порой так поворачивается, что не знаешь, откуда что берётся, откуда что свалится тебе на голову.

Александр Иванович. Да, нам привычно думать, что обстоятельства во всём виноваты. Ты не замечала, когда у человека всё хорошо складывается, мы говорим, молодец, умеет жить. А когда беда приходит, мы готовы винить обстоятельства.

Галина Васильевна. А что, разве не так?

Александр Иванович. Знаешь, я до последнего времени тоже так думал.

Галина Васильевна. А сейчас по-другому думаешь?

Александр Иванович. Видишь ли, эта наша встреча с тобой сейчас о многом заставила передумать. Мне кажется, что в природе, в жизни вообще, всё уравновешено, добро и зло в том числе. И каждый человек рано или поздно, получает то, что он заслужил. Отсюда и пословица: что посеешь, то и пожнёшь. Только вот время между посевом и жатвой порой скрывает эту связь. Потому нам и кажется, что беда, несчастье, это случайность. Мы просто не можем, или не хотим, увидеть эту связь, корни, истинные причины наших проблем.

Галина Васильевна. Может оно и так. Что-то есть в твоих рассуждениях. Может быть ты и прав, надо подумать хорошенько. Мне идти надо, работа ещё есть. А ты ложись, отдохни.

Александр Иванович. Да, да... Я только хочу попросить, ты мне фотографии принеси, сына и... его детей.

Галина Васильевна. Принесу. В следующий раз. Отдыхай.
(Галина Васильевна уходит).

Сцена 13

Александр Иванович лежит на кровати, кашляет, задыхается. Ему совсем плохо. Входит Галина Васильевна.

Галина Васильевна. Добрый день! Я вот фотографии принесла. Я вижу тебе совсем худо.

Александр Иванович. Да. Ночью кровь шла горлом.

Галина Васильевна. Я сейчас “Скорую” вызову, в больницу поедешь.

Александр Иванович. Не надо, не надо никакую “скорую”. Незачем. Фотографии дай.
(Галина Васильевна протягивает ему фотографии).

Галина Васильевна. Саша, я сейчас. (Выходит)
(Александр Иванович рассматривает фотографии).

Александр Иванович. Мой сын... Прости... (Приступ кашля. Фотографии выпадают из рук, бессильно повисает рука. Александр Иванович умирает. Вбегают Галина Васильевна).

Галина Васильевна. Саша, Саша! Сейчас, потерпи, сейчас укол сделаю, “Скорую” вызвала, сейчас приедет. (Делает укол. Реакции нет, рука безжизненно повисает). Саша, Саша, сейчас машина придёт. (Начинает делать искусственное дыхание, массаж сердца. Входят врач и фельдшер).

В р а ч. Что случилось? (*Трогает пульс, смотрит зрачки. Галина Васильевна продолжает делать искусственное дыхание*). Сколько времени прошло?

Г а л и н а В а с и л ь е в н а. Не знаю.

В р а ч. Вызов был в тринадцать десять. Сейчас тринадцать сорок. Полчаса. (*Ещё раз смотрит зрачки*). Не надо ничего делать.

Г а л и н а В а с и л ь е в н а. Это всё?

В р а ч. Да. Сейчас я выпишу справку. Через два часа можете вывозить.

Г а л и н а В а с и л ь е в н а. Куда?

В р а ч. Как куда? В медэкспертизу.

Г а л и н а В а с и л ь е в н а. Зачем экспертиза? Диагноз известен. А что на душе у человека было, это никакая экспертиза не покажет. Так зачем она?

В р а ч. А какой у него диагноз?

Г а л и н а В а с и л ь е в н а. СПИД.

В р а ч. СПИД? И Вы знали всё и делали искусственное дыхание?

Г а л и н а В а с и л ь е в н а. Да.

В р а ч. Я ничего не могу понять.

Г а л и н а В а с и л ь е в н а. Понять это невозможно. Это только пережить можно...

В р а ч. Вот справка. Нам пора ехать. До свидания. (*Выходят*).

Галина Васильевна подходит к кровати, закрывает глаза, целует в лоб, подбирает фотографии с пола. Садится у кровати и молча плачет.

Сцена 14

На пороге появляется Александр.

А л е к с а н д р. Мама, что случилось? (*Только сейчас видит покойного*). Кто этот человек?

Г а л и н а В а с и л ь е в н а. Твой отец.

А л е к с а н д р. И... и ты мне ничего не сказала!

Г а л и н а В а с и л ь е в н а (*встаёт*). Я только хотела защитить вас всех.

А л е к с а н д р (*обнимает мать*). Мама!..

Занавес

Шавлов Николай Михайлович

Тел. 8 0296 35 66 82

+375 29 635 66 82

23 дек 2007 г.